

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АНГЛИИ

В 1918-1929 гг.

В прошлой лекции, посвященной периоду капиталистической стабилизации 20-х гг., мы установили, что она была не случайностью, а закономерным результатом поступательного развития производительных сил на базе очередного повышения технического уровня производства. В наиболее четкой, классической форме все основные черты капиталистической стабилизации 20-х гг. проявились в Соединенных Штатах Америки, окончательно превратившихся к тому времени в основную страну капиталистического мира. Они стали как бы одним полюсом капиталистической стабилизации, где она приняла наиболее прочный характер.

Но одновременно с этим мы говорили и о ряде важных проявлений непрочности капиталистической стабилизации 20-х гг., о том, что она не могла ликвидировать внутренние противоречия капитализма, не могла преодолеть противоречие между экономической эффективностью капитализма и недостаточностью социальной защиты населения. Эти черты непрочности наиболее ярко проявились в Англии, ставшей тогда как бы другим, противоположным полюсом стабилизации. Чтобы понять, почему именно Англия стала такой страной, надо внимательно проследить положение Англии после первой мировой войны.

* * *

Победа стран Антанты в первой мировой войне принесла Англии осуществление тех задач, которые она ставила, вступая в войну. Германия, ее важнейший конкурент, была разгромлена. В руки Англии перешли важнейшие колониальные владения Германии. Англия получила мандаты на управление обширными территориями бывшей Турецкой империи на Арабском Востоке. Наконец, Англия укрепила свои позиции и в Европе, извлекая крупные выгоды из установленной после окончания первой мировой войны Версальской системы.

Казалось, что английские правящие круги добились всего, чего они хотели. Казалось, что их положение укрепилось, как никогда, что Англия вновь стала первой мировой державой. Английская политическая элита была полна оптимизма. В день заключения перемирия, 11 ноября 1918 г., министр иностранных дел лорд Керзон, выступая в палате лордов, торжественно возвестил: "Никогда еще британский флаг не реял над более могущественной и более единой империей! Никогда еще наш голос не имел столько веса в совете народов и в определении судеб человечества, как сейчас!"

Однако на самом деле для такого оптимизма у правителей Англии было очень мало оснований. С первых же дней после окончания мировой войны перед английской буржуазией возникли огромные экономические и социально-политические затруднения. А эти послевоенные трудности английской буржуазии были следствием того важного факта, что после первой мировой войны резко усилился и углубился процесс экономического упадка Англии.

Встает вопрос: в чем же были основные причины прогрессирующего упадка английской экономики, так явственно обозначившегося после окончания первой мировой войны?

Первые признаки этого процесса обнаружались еще в последние десятилетия XIX в., в период перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм. До этого, особенно в 50-60-х гг. XIX в., Англия, казалось, достигла вершины своего могущества. Раньше всех других стран мира, уже к середине XIX в., завершив промышленную революцию, Англия стала подлинной "мастерской мира", обладая неоспоримой промышленной монополией. Мощный английский торговый флот давал ей возможность успешно поддерживать торговую монополию на международном рынке. Громадные финансовые ресурсы, сконцентрированные в английских банках, были использованы для широкого вывоза капитала, что обеспечило Англии монопольное положение в международной финансовой системе. Наконец, созданная уже к середине XIX в. обширная Британская колониальная империя позволила Англии поддерживать колониальную монополию. Все это превратило Англию в главную, наиболее могущественную страну капитализма свободной конкуренции.

Однако примерно с 80-х гг. XIX в. положение стало изменяться. К этому времени на мировую арену выступили более молодые страны капиталистического развития - Германия и Соединенные Штаты Америки, которые с неслыханной быстротой строили новую промышленность, основанную на передовой технике, и которые уже к началу XX в. обогнали Англию не только по темпам своего экономического развития, но и по общему объему производимой промышленной продукции.

Германия и Соединенные Штаты в наибольшей степени использовали результаты второго крупного технологического переворота, происшедшего во второй половине XIX в. Вложив огромные средства в техническое переоборудование своих предприятий, германские и американские предприниматели значительно обогнали своих английских конкурентов в техническом оснащении промышленности. Техническое оснащение английской промышленности, которое в середине XIX в. было самым передовым, стало устаревать. А ее переоборудование на базе передовой техники требовало новых огромных капиталовложений и, главное, несло капиталистам немедленной выгоды.

Конечно, если бы английская буржуазия, обладавшая огромными финансовыми средствами, не имела других, более прибыльных и, что еще важнее, быстро приносящих необходимый результат каналов для вложения капиталов, она пошла бы на решительное обновление технической базы промышленности. Но такие каналы у нее были. Это были огромные колониальные владения. Поэтому английская буржуазия предпочитала вывозить свои капиталы за пределы страны, в свои колонии и там основывать новые промышленные предприятия, которые даже при прежней технической базе приносили ей гигантские прибыли в силу невиданной в метрополии дешевизны сырья и рабочей силы. Вложение капиталов в промышленность самой Англии все более сокращалось, что повлекло за собой все большее отставание Англии от США и Германии. Английским товарам все труднее становилось конкурировать на мировом рынке с более дешевыми товарами более передовой в техническом оснащении промышленности Америки и Германии. В результате к началу XX в. Англия безвозвратно утратила свою былую промышленную и торговую монополию.

Первая мировая война не только не ликвидировала нараставшие экономические трудности Англии, но даже усилила эти затруднения. Правда, Англии на время удалось вывести из строя главного своего конкурента - Германию. Но за годы войны чрезвычайно усилился другой опасный конкурент - Соединенные Штаты, которые, используя свое техническое превосходство, начали вытеснять английские товары с ряда важных рынков, прежде всего с рынков Центральной и Южной Америки. На рынках Восточной Азии все сильнее ощущалась конкуренция Японии. Кроме того, за время войны значительно выросла промышленность в английских доминионах, и усилившаяся буржуазия доминионов тоже стала выступать как конкурент в борьбе за рынки сбыта. В условиях обострения империалистической борьбы за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капиталов явственно обнаружилось неблагоприятное положение корпоративной буржуазии Англии. Английская промышленность, техническая база которой безнадежно устарела, все более отставала и находилась в состоянии хронического упадка. Особенно отставали старые, традиционные отрасли английской промышленности - угольная, текстильная, судостроительная, которые особенно устарели в своем техническом оснащении. Достаточно, например, указать на то, что к началу 20-х гг. в Англии было механизировано только 20% добычи угля, в то время как степень механизации добычи угля в США достигла 70%, что многие текстильные фабрики в Англии работали на безнадежно устаревшем оборудовании 40-50-летней давности.

Поэтому после первой мировой войны промышленное производство Англии в течение долгого времени находилось ниже довоенного уровня. Даже в 1920 г., в условиях краткого послевоенного промышленного подъема, индекс общего объема английской промышленной продукции

Поэтому с 50-х гг. XIX в., после поражения чартизма, в Англии наступил длительный упадок рабочего движения, которое целиком подпало под влияние либеральной партии.

В конце XIX в., в период перерастания капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, социально-политическая ситуация в Англии решительно изменилась. Утрата промышленной и торговой монополии Англии, ослабление ее позиций на мировом рынке постепенно стали вызывать оппозицию политике свободной торговли со стороны влиятельных групп корпоративного капитала. Это обусловило появление первых признаков кризиса либеральной партии и защищаемой ею идеологии классического либерализма. Начал постепенно усиливаться второй компонент английской двухпартийной системы - консервативная партия, которая все более активно стала выдвигать идею отказа от свободной торговли и перехода к политике протекционизма.

В конце XIX - начале XX в. консерваторы требовали также еще большей активизации колониальной политики, беспощадного подавления национально-освободительного движения ирландского народа.

Но на первый план в отношениях между либералами и консерваторами все больше выходили вопросы политики по отношению к рабочему классу.

Рост экономических трудностей Англии в конце XIX в. стал важнейшей базой для возрождения в 80-90-х гг. рабочего движения. Вслед за возникновением так называемого "нового тред-юнионизма", выступившего с требованиями всеобщего избирательного права для мужчин и создания системы социальной защищенности, в Англии развернулась деятельность различных социалистических организаций (Социал-демократическая федерация, Фабианское общество и др.). В 1893 г. возникла Независимая рабочая партия, выдвинувшая лозунг самостоятельного рабочего представительства в парламенте. Это свидетельствовало о начале процесса отхода рабочего класса от либеральной партии. В 1900 г. возник так называемый Комитет рабочего представительства, который в 1906 г. был реорганизован в Лейбористскую партию. Ее коллективными членами стали важнейшие профсоюзы, Независимая рабочая партия и другие социалистические организации.

Развитие рабочего и социалистического движения в Англии в начале XX в. вызвало к жизни политику либерально-буржуазного реформизма. Ее проводником стал виднейший лидер либеральной партии Дэвид Ллойд-Джордж. Было несколько расширено избирательное право: в начале XX в. им пользовалась примерно половина взрослого мужского населения страны. Были проведены также важные социальные реформы: введено страхование по старости, болезни, безработице и в случае увечья на производстве. Следовательно, в Англии в начале XX века были созданы первые важные элементы системы социальной защиты населения.

Реформистская политика либералов вызвала упорное сопротивление консерваторов, которые занимали более жесткую позицию по отношению к рабочему классу.

* * *

Первая мировая война и ее последствия еще более усилили стремление влиятельных групп корпоративной буржуазии Англии к наступлению на позиции рабочего класса.

Это не было случайностью. Углубившийся экономический упадок Англии, утрата ею не только промышленной и торговой, но и финансовой монополии значительно ослабили позиции крупного капитала на мировом рынке. За счет чего же корпоративная буржуазия Англии надеялась стабилизировать свои позиции? В определенной степени она пыталась переложить экономические трудности на плечи народов колоний, т. е. за счет использования сохранившейся колониальной монополии Англии. Однако эффективное использование колониальной монополии сразу после окончания войны было связано с большими трудностями, так как в послевоенном мире широко развернулось национально-освободительное движение. Оно охватило также и английские колонии, и зависимые от Англии страны (Ирландию, Индию, Египет, Афганистан). Нужно было время, чтобы справиться с волной освободительного движения на пространствах обширной Британской империи.

Поэтому в распоряжении английской крупной буржуазии после окончания первой мировой войны оставалось, как она считала, единственное средство - наступление на позиции рабочего класса, усиление его эксплуатации. За счет ухудшения условий труда рабочих английская буржуазия намеревалась увеличить свои прибыли, снизить себестоимость производимой промышленной продукции и за этот счет поднять конкурентоспособность английской промышленности на внешних рынках.

Для большей эффективности своих действий корпоративный капитал Англии объединил свои основные силы. Еще в 1916 г. была создана Федерация британской промышленности. К концу первой мировой войны в ее рядах было 18 тыс. крупнейших фирм с общим капиталом в 5 млрд фунтов стерлингов.

С этой же целью был взят курс на объединение действий обеих буржуазных политических партий, на создание коалиционного правительства.

Коалиционное правительство либералов и консерваторов существовало в Англии в течение всего периода первой мировой войны. Во главе его стоял сначала тогдашний лидер либеральной партии Герберт Генри Асквит, а в декабре 1916 г. его сменил Дэвид Ллойд-Джордж. Это было

империалистическое правительство, направлявшее свои усилия на выполнение главной тогда задачи - задачи разгрома Германии.

Несмотря на это, лидеры лейбористской партии, вопреки ее прежним антивоенным декларациям, вместе с другими партиями II Интернационала поддержали империалистическую войну. Вместе с профсоюзами они с первых же месяцев войны приняли участие в переводе страны на военные рельсы, в установлении "промышленного мира". С 1915 г. лидер лейбористской партии Артур Гендерсон вместе с двумя своими коллегами вошли в состав коалиционного правительства либералов и консерваторов.

Однако в 1917-1918 гг. перед коалиционным правительством Ллойд-Джорджа возникли очень трудные проблемы. С 1917 г. в Англии развернулось массовое рабочее движение. Как и в других странах, оно вышло далеко за рамки традиционной экономической борьбы. Рабочие выдвигали лозунги кардинальных реформ, добивались всеобщего избирательного права. Особенно активно они боролись за национализацию угольной промышленности, которая, будучи особенно отсталой в своем оснащении, в годы войны была передана во временное управление государства.

Настроение организованных рабочих было боевым. Один из лидеров левого крыла профсоюзов, президент союза транспортных рабочих Роберт Уильямс заявил в 1917 г. на рабочем съезде в Лидсе: "Мы, рабочие, имеем больше прав выступать от имени народа, чем та клика, которой доверены сейчас наши политические судьбы". А когда на съезде было решено послать приветствие России, Уильямс провозгласил: "Я призываю вас: идите и поступайте так же, как они. Нашей стране ничуть не меньше, чем России, необходимы коренные революционные перемены".

В этих условиях правительство Ллойд-Джорджа в 1918 г. вынуждено было пойти на проведение ряда реформ. Прежде всего, была осуществлена очередная реформа избирательной системы. Было, наконец, объявлено о ликвидации имущественного ценза. Избирательные права были предоставлены всем мужчинам с 21 года при сохранении 6-месячного ценза оседлости. Избирательные права получили и женщины, но только с 30 лет. Число избирателей в стране сразу возросло более чем в 2,5 раза - с 8 млн до 21 млн. Кроме того, было введено всеобщее обязательное школьное обучение детей до 14 лет, причем начальное школьное обучение стало бесплатным.

В последние месяцы войны проходила активная подготовка к новым парламентским выборам. На этих выборах часть либералов во главе с Ллойд-Джорджем решила сохранить коалицию с консерваторами, тогда как другая фракция либералов во главе с Асквитом отказалась от вступления в коалицию. На выборах, проведенных в декабре 1918 г., либерально-консервативная коалиция выступила с широковещательной программой "экономической и социальной реконструкции", цель которой,

по словам Ллойд-Джорджа, состояла в том, чтобы “сделать Англию достойной героев, возвращающихся с полей сражений”.

В избирательном манифесте коалиции торжественно провозглашалось: “Коалиционное правительство будет действовать не в интересах какого-либо отдельного класса или части класса. Его первой заботой будет улучшение положения основной массы населения, которая живет трудом своих рук”.

Пропаганда важных социальных реформ сопровождалась активной антигерманской кампанией. Говоря о средствах для проведения этих реформ, Ллойд-Джордж все время повторял: “За все заплатят немцы!” Все это обеспечило коалиции победу на выборах. В палате общин коалиция части либералов с консерваторами получила более двух третей мест (484 из 707).

Значительно увеличила свою активность на выборах и лейбористская партия. За время войны она значительно подняла свой политический вес. С одной стороны, она впервые показала, что она может играть важную роль в решении задач, поставленных в годы войны правительственными кругами. Это обозначило начало процесса интеграции лейбористских лидеров в политическую систему английского капитализма. С другой стороны, резко возросло влияние лейбористской партии в рабочем классе. Отходя от либералов, массы рабочих переходили к поддержке лейбористов. Ряды лейбористской партии быстро росли: после окончания войны в ней было уже около 3,5 млн членов.

Все это обусловило крупные изменения в характере и политических установках лейбористской партии. В феврале 1918 г. был принят новый устав лейбористской партии. Во-первых, в нем предусматривалось введение наряду с коллективным членством индивидуального членства в партии. Это сблизило лейбористскую партию с социал-демократическими партиями других европейских стран по принципам их организационного строения. Конечно, это имело и определенные негативные последствия, ибо широко открыло двери партии для представителей мелкобуржуазных слоев. Ведь рабочие становились членами лейбористской партии, как правило, в составе профсоюзов, входивших в партию на правах коллективных членов. Но введение индивидуального членства сопровождалось организационным укреплением лейбористской партии, созданием ее местных организаций, введением элементарной партийной дисциплины - и в этом был существенный шаг вперед в укреплении партии.

Во-вторых, и это еще более важно, были внесены крупные изменения в программные установки лейбористской партии. До первой мировой войны она не выдвигала социалистических принципов в своей программе, ее программные установки были разновидностью либерализма или, по крайней мере, носили радикально-демократический характер. Этим лейбористская партия сильно отличалась в тот период от социал-демократических партий других европейских стран, выдвигавших

эволюционный идеал социализма. Новый устав 1918 г. ликвидировал это отличие. Знаменитая 4-я статья нового устава гласила, что задача лейбористской партии состоит в том, чтобы “обеспечить работникам физического и умственного труда полный продукт их труда и его наиболее справедливое распределение на основе общественной собственности на средства производства и наилучшей системы народного управления и контроля над всеми отраслями промышленности и предприятиями обслуживания”.

В июне 1918 г. конференция лейбористской партии приняла решение о выходе из коалиции с либералами и консерваторами и о самостоятельной избирательной кампании. Предвыборная платформа лейбористской партии получила название “Лейборизм и новый общественный порядок”. Ее основной тезис гласил: “Лейбористская партия считает, что послевоенная реконструкция должна коснуться не только того или иного правительственного ведомства или того или иного винтика социального механизма. Она должна стать реконструкцией самого общества”.

В соответствии с этими принципами платформа лейбористов на выборах 1918 г. выдвинула широкую программу национализации. Лейбористы заявили о необходимости национализации земли, угольной промышленности, железнодорожного транспорта, торгового судоходства, электроэнергетики, производства вооружений. В этих и других отраслях экономики предполагалось установление демократического контроля.

Наряду с этими кардинальными проектами реформ платформа лейбористской партии предусматривала проведение ряда демократических преобразований: установление общенационального минимума заработной платы, изменение налогового законодательства с целью перенесения основной тяжести налогообложения на лиц с крупными доходами, дальнейшее расширение социального законодательства.

Наконец, в избирательной платформе лейбористской партии предусматривались важные политические реформы: введение всеобщего избирательного права, ликвидация палаты лордов.

Все эти прогрессивные преобразования лейбористская партия предполагала осуществить мирным, эволюционным путем при сотрудничестве с буржуазными партиями, путем дальнейшего совершенствования строя парламентской демократии.

Позитивная эволюция программных установок лейбористской партии обеспечила значительный ее успех на выборах 1918 г. За лейбористских кандидатов голосовало около 2,5 млн избирателей, т. е. 22% общего числа избирателей, тогда как на предыдущих выборах 1910 г. лейбористы получили только 400 тыс. голосов. Лейбористская партия провела в палату общин 59 депутатов, впервые составив значительную парламентскую фракцию.

По результатам выборов в январе 1919 г. было сформировано новое коалиционное правительство части либералов в блоке с консерваторами.

Во главе его остался Ллойд-Джордж, но ряд ключевых постов в правительстве заняли видные лидеры консервативной партии: Остин Чемберлен, ставший министром финансов, лорд Керзон, занявший пост министра иностранных дел, и лидер консервативной партии Бонар-Лоу, ставший лордом-хранителем печати. Уже в этом факте сказалось прогрессирующее ослабление либеральной партии, раскол ее на враждующие фракции, разделение ею властных полномочий с консерваторами.

Уже сам состав коалиционного правительства свидетельствовал о намерении консервативных групп двухпартийной системы начать решительное контрнаступление на позиции рабочего класса. Об этом говорило стремление правительства возможно быстрее вернуть угольные шахты их прежним владельцам, несмотря на широкое распространение лозунга национализации угольной промышленности. Английская буржуазия стремилась отнять у рабочих их прежние завоевания и вновь стать "полными хозяевами в своем доме".

Однако в 1919-1920 гг. выполнение этих задач оказалось невозможным. В стране продолжалось массовое рабочее движение. Осенью 1919 г. была с успехом проведена всеобщая стачка железнодорожников. Тогда же возникла серьезная угроза всеобщей забастовки в угольной промышленности. Ее особенность заключалась в том, что союз горняков действовал вместе с двумя другими крупными профсоюзами - союзом железнодорожников и союзом транспортников. Эти три сильных профсоюза еще до войны составили так называемый "Тройственный союз". Угроза объединенных действий рабочих заставила правительство и шахтовладельцев на время отказаться от возвращения шахт их прежним владельцам и от курса на восстановление конкурентоспособности английской угольной промышленности за счет рабочих.

Стачечное движение 1919-1920 гг., проходившее под радикальными лозунгами, выдвинуло из своей среды немало передовых, наиболее сознательных рабочих. Они стали основой массового движения шопстюардов, т. е. фабрично-заводских старост. С их помощью английские рабочие достигли тогда важных успехов. В ряде отраслей промышленности был завоеван 8-часовой рабочий день. Общий фонд заработной платы рабочих увеличился за два года на 500 млн фунтов.

Активизировались и левые группы социалистического движения. На их основе в июле 1920 г. была создана Коммунистическая партия Великобритании, которая сыграла немалую роль в организации движения солидарности с Советской Россией.

Таким образом, размах рабочего движения в Англии в 1919-1920 гг. оказался настолько сильным, что проведение необходимой для корпоративного капитала политики широкого наступления на жизненный уровень трудящихся оказалось невозможным. До поры до времени коалиционное правительство Ллойд-Джорджа вынуждено было продолжать политику

либерального реформизма. Оно лавировало, обещало проведение важных реформ, а кое в чем и на самом деле уступало под сильным пролетарским натиском первых послевоенных лет.

* * *

Наступление летом 1920 г. экономического кризиса вновь существенно изменило политическую обстановку в стране. Кризис принес суровые бедствия рабочим. Этот момент английская корпоративная буржуазия и сочла наиболее благоприятным временем для перехода в решительное контрнаступление на рабочих. Она поставила своей задачей не только отнять у рабочих все их недавние завоевания, но и осуществить сильное сокращение заработной платы, увеличение рабочего дня, повышение интенсивности труда. Осенью 1920 г. Федерация британской промышленности заявила: "Рабочие нашей страны не могут надеяться на скорое улучшение своей судьбы. Напротив, есть все основания полагать, что их положение еще более ухудшится".

Коалиционное правительство Ллойд-Джорджа пошло навстречу этим пожеланиям крупного капитала. Первым объектом своего наступления оно избрало горняков. Это не было случайностью, ибо рабочие угольной промышленности были тогда авангардом английского пролетариата. Именно они одними из первых вступили в 1919 г. в борьбу за кардинальные перемены в обществе, именно среди них и на этот раз были наиболее сильны боевые настроения. В их распоряжении был один из самых сильных и массовых профсоюзов: при общей численности английских тред-юнионов в 1921 г. в 8,5 млн человек в рядах Национальной федерации горняков насчитывалось более 1 млн членов.

В феврале 1921 г. правительство Ллойд-Джорджа объявило о том, что все угольные копи возвращаются их собственникам. Тем самым оно вступило в прямую конфронтацию с горняками, ибо их основным требованием как раз и было немедленное проведение национализации угольной промышленности. Но дело не ограничилось только этим. При поддержке правительства владельцы шахт заявили, что с 1 апреля 1921 г. они проведут повсеместное снижение заработной платы горняков и будут отныне заключать с ними не общенациональный коллективный договор, а порайонные соглашения. Шахтовладельцы были настроены чрезвычайно агрессивно, угрожая рабочим локаутом.

Федерация горняков отвергла все условия правительства и шахтовладельцев и призвала рабочих к всеобщей забастовке. Рабочих угольной промышленности, как и в 1919 г., поддержали два других члена "Тройственного союза", которые объявили, что в день начала забастовки горняков они начнут забастовку солидарности.

Однако и руководители профсоюзов, и связанные с ними лидеры лейбористской партии всеми силами стремились избежать прямого

классового столкновения рабочих и предпринимателей. По оценке английского историка Джорджа Коула, при возникновении угрозы всеобщей стачки у профсоюзных лидеров “душа уходила в пятки”. Это не было результатом трусости, слабости характера. Это было неизбежным результатом самой философии тред-юнионизма. Профсоюзные лидеры были большими мастерами терпеливых и умелых переговоров и компромиссов с предпринимателями, но они были решительными противниками прямых действий, выходящих за рамки идеологии и практики классового сотрудничества. Эту же линию проводили и лейбористские лидеры. “Если незаконными средствами навязать стране политику части общества, а может быть, и его меньшинства, - заявил, например, Артур Гендерсон, - то это повлечет за собой ликвидацию парламентской формы правления, утверждение диктатуры меньшинства и в конце концов может уничтожить все наши конституционные свободы”.

Первоначально забастовка была назначена на 12 апреля 1921 г. Однако накануне этого дня было заявлено, что не исчерпаны все возможности для нахождения компромисса с владельцами шахт. На этом основании начало забастовки было перенесено на 15 апреля. Но вечером 14 апреля секретарь Федерации горняков Фрэнк Ходжес дал понять в одном из своих заявлений, что горняки временно могут согласиться с системой порайонных соглашений. Исполком федерации горняков утром же следующего дня отмежевался от заявления Ходжеса. Но лидеры союзов железнодорожников и транспортников обвинили горняков в неуступчивости и отменили обещанную забастовку солидарности.

Горнякам пришлось бастовать одним. Свыше двух месяцев они отстаивали свои права и завоевания, но к середине 1921 г. их сопротивление было сломлено.

Английские рабочие надолго запомнили этот позорный пример срыва единства действий. Не случайно день 15 апреля 1921 г. вошел в историю английского рабочего движения как “черная пятница”.

Сломив сопротивление горняков, английская корпоративная буржуазия расчистила путь для наступления на позиции других отрядов рабочего класса Англии. Уже к началу 1922 г. ей удалось добиться снижения заработной платы 6 млн рабочих.

Таким образом, к 1922 г. с помощью правительства английской буржуазии удалось добиться важных успехов на “внутреннем фронте”. Рабочее движение в Англии заметно ослабло. Уменьшилось число забастовок, численность профсоюзов за 1920-1922 гг. сократилась с 8,5 млн до 5,5 млн человек, а численность лейбористской партии снизилась за эти годы с 4,4 млн до 3,3 млн членов.

Однако английская буржуазия явно сознавала непрочность своих первых успехов. Ведь экономическая конъюнктура в Англии в 1922-1923 гг. продолжала оставаться депрессивной. А это создавало реальную угрозу нового подъема классовой борьбы.

В этих условиях консервативные группы английской буржуазии считали необходимым еще более усилить давление на рабочий класс и совершенно покончить с той политикой социальных уступок, которую в первые послевоенные годы проводило правительство Ллойд-Джорджа и которая теперь, после первых успехов буржуазии на "внутреннем фронте", стала ненужной и даже вредной для правящих кругов страны. Поэтому ряд видных лидеров консервативной партии стал выступать за разрыв коалиции с либералами и за создание чисто консервативного правительства, которое более твердо, чем коалиционное правительство, могло бы проводить политику решительного наступления на трудящихся.

Все это привело к тому, что в октябре 1922 г. на конференции консервативной партии было принято решение о разрыве коалиции с либералами. Правительство Ллойд-Джорджа сразу же ушло в отставку. Парламент был распущен и назначены новые выборы.

Парламентские выборы, проведенные 15 ноября 1922 г., принесли победу консерваторам. Они обеспечили себе большинство мест в палате общин - 347 из 607. Во главе нового, чисто консервативного правительства стал лидер консерваторов Бонар-Лоу, а после его отставки по болезни в мае 1923 г. премьер-министром Англии стал более молодой деятель партии Стэнли Болдуин.

Консервативное правительство поставило своей главной задачей стабилизировать экономическое положение страны, укрепить позиции британского капитала на мировом рынке и с этой целью добиться повышения конкурентоспособности английских товаров. Поэтому оно с еще большей последовательностью проводило политику решительного наступления на жизненный уровень трудящихся. Но лидеры консерваторов считали, что этих частичных мероприятий недостаточно для восстановления былого могущества Англии, что для этого нужны другие, более решительные средства. Вот почему, отражая убеждения значительной части крупной буржуазии, консервативное правительство выдвинуло предложение об отказе от традиционной политики свободной торговли и о переходе к политике протекционизма. В этом с гораздо большей, чем до первой мировой войны, силой проявилось серьезное ослабление позиций Англии, которая уже не могла успешно конкурировать с другими странами, сохраняя старую фритредерскую политику. Правительство Болдуина впервые в истории страны поставило в порядок дня введение протекционизма.

Но чтобы провести в жизнь столь кардинальное изменение курса экономической политики, консерваторам надо было обеспечить не простое, а квалифицированное большинство в палате общин. С этой целью оно вновь распустило парламент и назначило внеочередные выборы.

Однако, вопреки ожиданиям консерваторов, новые парламентские выборы, состоявшиеся 6 декабря 1923 г., окончились фактическим

поражением консервативной партии. Английские рабочие, возмущенные реакционным курсом политики консерваторов, в большинстве своем голосовали против них. Если в 1922 г. консерваторы обеспечили себе 347 мест в палате общин, то в 1923 г. они смогли провести туда только 259 своих кандидатов, т. е. на 88 человек меньше.

Крупных успехов на выборах 1923 г. добилась лейбористская партия. Это объяснялось тем, что так же, как и на выборах 1918 и 1922 гг., лейбористы выступили с прогрессивной программой социально-политических реформ, которая включала такие пункты, как введение общенационального минимума заработной платы, реформа налогового законодательства, борьба с безработицей, строительство недорогих жилищ для рабочих, расширение системы социального страхования, введение всеобщего избирательного права. На завоевание голосов рабочих был рассчитан и популярный лозунг установления дипломатических отношений с СССР.

Однако лейбористские лидеры стремились не только привлечь голоса рабочего класса, но и завоевать поддержку широких масс мелких, средних и даже крупных собственников. Поэтому в лейбористской предвыборной платформе 1923 г., в отличие от платформ 1918 и 1922 гг., не было требования национализации. Говорилось лишь о необходимости "создания национальной электроэнергетической системы" и улучшения всех видов транспорта. Это, правда, не означало принципиального отказа лейбористов от национализации. Чтобы не отпугнуть широкие массы собственников, лейбористские кандидаты в 1923 г. применяли более осторожные формулировки.

На это же были рассчитаны и заверения лейбористских лидеров в том, что они будут стоять на страже закона и конституции и что они являются сторонниками мирного, эволюционного развития и принципиальными противниками революционного насилия. В статье, помещенной накануне выборов в газете "Times", лидер лейбористской партии Рамзей Макдональд писал: "Какая политическая партия когда-либо успешнее удерживала широкие народные массы Англии, возмущенные условиями, в которых живут промышленные рабочие, и привлекаемые красным заревом, занявшим на горизонте Европы! Какая партия когда-либо лучше служила конституционным принципам, чем лейбористская партия, объединяющая всех этих людей и вселяющая в их сердца твердую веру в парламентский строй и закон!"

Не случайно лейбористские лидеры не раз утверждали, что их программа представляет собой "альтернативу одновременно и реакции и революции".

Лейбористская партия одержала на выборах 1923 г. крупную победу. За ее кандидатов голосовало почти 4,5 млн избирателей. Если на выборах 1922 г. лейбористы завоевали 142 места в палате общин, то в 1923 г. они

провели в палату 191 депутата, став второй по числу мандатов партией в парламенте.

Увеличила свое представительство в парламенте и либеральная партия. В 1923 г. ей удалось преодолеть раскол между фракциями Ллойд-Джорджа и Асквита. Она поддержала лозунг установления дипломатических отношений с СССР. В противовес консерваторам либералы продолжали защищать принципы свободной торговли. На выборах 1923 г. либеральная партия завоевала 155 депутатских мест.

Таким образом, в результате выборов 1923 г. в Англии создалось своеобразное, необычное положение, когда ни одна из трех крупнейших политических партий страны не располагала абсолютным большинством в парламенте, а находившаяся у власти консервативная партия потерпела серьезное поражение, потеряв 88 депутатских мандатов, хотя и сохранив относительное большинство в палате общин. В этой ситуации сохранение чисто консервативного правительства было бы слишком явным нарушением парламентских норм. Формирование коалиционного правительства из либералов и консерваторов в 1923 г. оказалось невозможным, ибо на этот раз эти партии выступали с взаимоисключающими политическими курсами - свобода торговли или протекционизм, - да к тому же чрезвычайно сильны оказались и противоречия внутри каждой из двух буржуазных партий.

При таком положении формирование нового правительства было поручено лейбористской партии. 22 января 1924 г. в Англии было создано первое лейбористское правительство. Во главе его стал лидер лейбористской партии Рамзей Макдональд. Он же занял и пост министра иностранных дел. Другие важнейшие посты в лейбористском кабинете заняли Сидней Вэбб, один из виднейших теоретиков партии, ставший министром торговли, Филипп Сноуден, занявший пост министра финансов, Артур Гендерсон, бывший лидером партии в годы первой мировой войны, а теперь оказавшийся на посту министра внутренних дел, а также один из видных профсоюзных лидеров Джеймс Генри Томас, получивший портфель министра колоний.

Создание первого лейбористского правительства символизировало дальнейшее углубление кризиса традиционной английской двухпартийной системы. Упадок либеральной партии, отход от нее значительных слоев буржуазии, недовольных политикой фритредерства, а с другой стороны, ослабление влияния либералов в рабочем классе - все это обусловило начавшуюся перестройку двухпартийной системы Англии, замену в ней либералов на лейбористов, т. е. превращение английской двухпартийной системы из чисто буржуазной системы в систему, основанную на взаимодействии буржуазной консервативной партии и рабочей лейбористской партии.

Влиятельные политические круги Англии сочли возможным пойти на создание лейбористского правительства. Экономическая ситуация в стране

в 1924 г. оставалась депрессивной. Попытки консерваторов стабилизировать ситуацию окончились неудачей. В верхах страны решили: пусть попробуют сделать это лейбористы. Если они не добьются успеха, то неизбежное в этом случае ослабление лейбористской партии обернется на пользу консерваторов. Сделать же что-либо опасное для основ существующего строя лейбористы не смогут, так как все эти попытки будут блокированы совместными голосами консерваторов и либералов.

С первых же дней практической деятельности первого лейбористского правительства перед ним возникла альтернатива: какой политический курс они должны избрать. В правительстве и в лейбористской партии развернулась острая борьба. Об этом подробно рассказывается в книге английского историка Ральфа Милибенда "Парламентский социализм", которую я настоятельно рекомендую вам прочитать.

Один политический курс предлагали левые лейбористы. Среди них выделялись такие деятели, как Джеймс Мэкстон, Дэвид Керквуд, Эммануэл Шинуэлл, Джон Уитли и Фред Джоуэтт. Они активно действовали как депутаты парламента, а два последних стали членами кабинета, заняв соответственно посты министров здравоохранения и общественных работ. Левые лейбористы предложили сразу же взять твердую линию на осуществление своей программы, включая требования национализации. Разумеется, это привело бы к провалу этой программы в палате общин голосами консерваторов и либералов, к вотуму недоверия лейбористскому кабинету и к роспуску парламента. Однако на новых выборах сложилось бы четкое классовое противостояние: лейбористы как рабочая партия против двух партий буржуазии. Избиратели должны бы были выбирать между программой кардинального преобразования английского общества и выступлением обеих буржуазных партий против нее. Иными словами, проигранное сражение могло бы создать более благоприятные условия для победы в последующей политической кампании.

Однако реформистские лидеры лейбористской партии выступили категорически против курса, предложенного левыми лейбористами. Они сразу же стали рекламировать себя не как представителей рабочего класса, а как защитников общенациональных интересов, не как радикальных экстремистов, а как умеренных и разумных государственных деятелей, медленным, эволюционным путем осуществляющих свою программу. Сидней Вэбб, выражая этот политический курс, заявил, что лейбористская партия не будет стремиться "сделать все в один присест". Она сначала начнет "переводить наши принципы в конкретные законопроекты, которые пункт за пунктом мы будем отстаивать в парламентских комитетах и лишь после этого через соответствующий конституционный механизм претворять в жизнь... Мы будем действовать постепенно. Наша задача - претворение социализма в осуществимые планы, принимаемые один за другим".

Деятели буржуазных партий, лондонский высший свет всячески поощряли этот курс лейбористских лидеров на постепенность и умеренность, на защиту “общенациональных интересов”. За долгую эпоху парламентаризма буржуазно-аристократическая Англия научилась уменью привлекать на свою сторону представителей низов общества, идти на маневры, на компромиссы. В 1924 г. лейбористские лидеры стали очередной модой высшего света. Их наперебой приглашали на светские рауты, они удаивались приглашений к королевскому двору. Их всячески обхаживали, им льстили, их хвалили за умеренность и здравый смысл. И большинство лейбористских членов кабинета и парламентариев оказались весьма падкими на это обхаживание. Даже многие левые лейбористы не стали исключением из этого общего правила, быстро превращаясь из “непреклонных революционеро” в кротких парламентариев. Например, описывая свои впечатления от своих буржуазно-аристократических коллег по палате общин, левый лейборист Дэвид Керквуд говорил, что до того, как он попал в палату общин, он мало знал о “сильных мира сего” и считал, что “они и представляемый ими мир топчут моих братьев, обрекая их на нищету, муки, отчаяние и смерть”. Попав, однако, в палату, Керквуд, по его словам, обнаружил, что “она полна чудес... Самое удивительное, что все эти “сильные мира сего” оказались такими простыми, искренними и дружелюбными”. Бонар-Лоу, подвергшийся яростным нападкам за его бездействие в деле помощи безработным, не проявил никакого негодования и сказал, что ему было приятно услышать акцент жителя Глазго, чувствовавшийся в речи Керквуда. А один из депутатов-консерваторов, выслушав пламенную речь Керквуда о нищете мелких арендаторов, заявил ему: “Голосовать за вас я не могу, но мне хотелось бы по мере сил помочь этим людям”. И он вручил ему для них пятифунтовый билет.

Если даже левые лейбористы так поддавались иллюзиям причастности к властным структурам, то что говорить о правых лейбористских лидерах! Они сознательно шли на единение с “сильными мира сего”. Характерно, что видная деятельница лейбористской партии Беатриса Вэбб, жена лейбористского министра финансов, организовала для жен лейбористских парламентариев нечто вроде “курсов повышения квалификации”, обучая их манерам светского этикета.

Ко всему этому надо прибавить охватившее лейбористских министров упоение властью. Вот как, например, описывал свои впечатления от приема в королевском дворце один из видных лейбористских лидеров Дж. Р. Клайнс: “Когда мы стояли среди золота и пурпура королевского дворца, ожидая выхода Его Величества, я не мог не дивиться необыкновенному повороту колеса фортуны, вознесшему голодного клерка Макдональда, машиниста Томаса, чернорабочего-литейщика Гендерсона и фабричного парня Клайнса на эту вершину, рядом с теми, чьи предки на протяжении столетий были королями. Мы творили историю”.

Ясно, что при таком состоянии менталитета лейбористских лидеров на эффективное осуществление даже не самых радикальных пунктов программы лейбористской партии было мало надежд.

Правда, за недолгий период своего существования первое лейбористское правительство провело ряд мер в области внутренней социальной политики. Были увеличены государственные субсидии на жилищное строительство, повышены размеры пенсий по старости и пособий по безработице. Но этого было мало. Рабочие требовали гораздо большего, настаивая на выполнении предвыборных обещаний лейбористов. Недовольство рабочих вызывало и то, что, не спеша с выполнением своих обещаний трудящимся, правительство, называвшее себя социалистическим, проявляло трогательную заботу об интересах буржуазии. Принимая новый бюджет, оно значительно уменьшило сумму налогов на акционерные компании. Оно субсидировало крупные средства на укрепление вооруженных сил.

Только под сильнейшим давлением рабочих, только после того как Лондонский совет тред-юнионов пригрозил правительству всеобщей забастовкой, лейбористское правительство пошло на осуществление своего предвыборного обещания и установило дипломатические отношения с Советским Союзом.

Все это вызвало возмущение рабочих. В стране вновь развернулась активная стачечная борьба. Но лейбористское руководство в самой решительной форме осудило стачки. Более того, выступая в марте 1924 г. в палате общин, премьер-министр Макдональд заявил, что лейбористское правительство готово использовать для борьбы против забастовок закон о чрезвычайном положении.

Такой политический курс лейбористского правительства уже через несколько месяцев создал серьезные трудности для его деятельности. В самом деле, английская крупная буржуазия смотрела на создание первого лейбористского правительства лишь как на временный эксперимент. Она не могла испытывать удовлетворение только от того, что действия лейбористского кабинета ничуть не угрожают основам ее власти и могущества. Крупной буржуазии нужна была политика решительного наступления на позиции рабочего класса. Но на такой курс политики лейбористские лидеры пойти не могли. И без того уже их конкретные действия вызвали серьезное недовольство масс. Рабочие требовали от лейбористов осуществления всех их предвыборных обещаний. Однако это не входило в их стратегический курс. Министр финансов Филипп Сноуден так и заявил: "Рабочие ждали от нашего правительства, что оно будет проводить мероприятия, которые мы считаем совершенно невозможными".

В этих условиях лидеры лейборизма, оказавшиеся как бы "между двух огней", ждали только удобного момента, чтобы уйти в отставку. Непосредственным поводом для этого послужило так называемое "дело Кэмпбелла". Летом 1924 г. редактор коммунистической газеты "Workers' Weekly" Кэмпбелл поместил в газете ряд статей, в которых он призывал

английских солдат “ни в классовой борьбе, ни в войне не обращать своих винтовок против своих собратьев-рабочих”. По требованию военных кругов правительство Макдональда начало уголовное преследование Кэмпбелла. Однако против этого решительно выступили рабочие. Под давлением масс Макдональд вынужден был отказаться от начатого было уголовного дела. Но тут против лейбористского правительства выступили консерваторы. Обвинив его в “потворстве преступной агитации”, они предложили выразить правительству недоверие. При обсуждении этого вопроса в парламенте либералы предложили создать специальную комиссию для расследования действий правительства, но вотума недоверия не поддержали. Хотя, следовательно, лейбористское правительство могло продолжать свою деятельность, лидеры кабинета решили использовать этот предлог для ухода правительства в отставку. Разыграв “благородное негодование” по поводу назначения следственной комиссии, Макдональд 8 октября 1924 г. объявил об отставке лейбористского кабинета.

Через три недели, 29 октября 1924 г., англичанам в третий раз за три года пришлось идти на новые внеочередные выборы. На этот раз они принесли решительную победу консерваторам. В определенной мере этому способствовал прямой подлог, на который пошли консервативные силы. За несколько дней до выборов в столичной прессе под сенсационными заголовками было опубликовано так называемое “письмо Зиновьева”, в котором от имени исполкома Коминтерна английским коммунистам предлагалось начать подготовку к “вооруженному восстанию” с целью свержения власти буржуазии. Пресловутое “письмо Зиновьева”, по всей видимости, было фальшивкой, хотя, справедливости ради, надо сказать, что по своему общему тону и содержащимся в нем призывам оно мало отличалось от подлинных документов Коммунистического Интернационала, который, как мы уже говорили в прошлых лекциях, снова стал в это время выдвигать на первый план лозунг социалистической революции. Поэтому “письмо Зиновьева”, несомненно, оказало влияние на многих избирателей, тем более что премьер Макдональд, отдавший распоряжение начать расследование, как бы придал этой фальшивке характер подлинного документа. В обстановке антикоммунистической истерии консерваторам удалось провести в палату общин 413 депутатов, т. е. завоевать не только простое, но и квалифицированное большинство. В ноябре 1924 г. в Англии вновь было сформировано чисто консервативное правительство, во главе которого, как и в 1923 г., стал Стэнли Болдуин.

* * *

С 1924 г. экономическая конъюнктура в Англии стала постепенно улучшаться. Уже в 1925 г. был восстановлен золотой стандарт фунта стерлингов и возобновлен обмен банкнот на золото. Но, как мы уже говорили, это улучшение было весьма относительным, и промышленное

производство в середине 20-х гг. было все еще ниже довоенного уровня. Продолжавшийся экономический упадок Англии обусловил наибольшую непрочность капиталистической стабилизации 20-х гг. в этой стране по сравнению с ее характером в других ведущих странах высокоразвитого капитализма. Продолжалось и дальнейшее ослабление позиций Англии на мировых рынках, ибо товары технически отсталой английской промышленности не могли конкурировать с передовой высокотехнической промышленностью США и с промышленностью быстро восстанавливавшей свои довоенные позиции Германии.

Это вплотную подвело правительство консерваторов к тому, чтобы с большими шансами на успех возобновить политику решительного наступления на жизненный уровень рабочих и за счет повышения степени эксплуатации добиться снижения издержек производства и увеличения конкурентоспособности английской промышленности на международных рынках.

Уже летом 1925 г. новый премьер С. Болдуин от имени правительства консерваторов заявил: "Рабочие нашей страны должны согласиться на снижение заработной платы, для того чтобы поставить нашу промышленность на ноги".

В этих условиях в середине 1925 г. в Англии и развернулся новый конфликт в угольной промышленности, который через несколько месяцев перерос в крупнейшее во всей истории Англии выступление пролетариата.

В июне 1925 г. владельцы угольных шахт объявили о том, что они отменяют все прежние соглашения с Федерацией горняков и в дальнейшем будут заключать коллективные договоры не в масштабе всей страны, как это по преимуществу было даже после поражения стачки 1921 г., а по отдельным районам. Шахтовладельцы заявили о своем намерении осуществить повсеместное снижение заработной платы горняков (с колебаниями от 15 до 50% по разным районам) и категорически отвергли выдвигавшееся рабочими требование введения общенационального минимума заработной платы. В случае несогласия шахтеров принять эти условия владельцы угольных копей угрожали объявить с 1 августа 1925 г. общий локаут.

Однако ультиматум шахтовладельцев вызвал всеобщее возмущение рабочих. Исполком Федерации горняков призвал всех членов профсоюза к решительному сопротивлению. Шахтерам вновь удалось заключить союз с железнодорожниками и транспортниками, а вскоре к ним присоединились и рабочие машиностроительных заводов. Горняков поддержал и Генеральный совет Британского конгресса тред-юнионов. 31 июля 1925 г., т. е. накануне планируемого шахтовладельцами локаута, он призвал всех рабочих страны приступить на следующий день к бойкоту перевозок, погрузки и выгрузки угля. Это означало, что в первый же день забастовку должно было начать около 3 млн рабочих.

К такому крупному конфликту английская буржуазия и консервативное правительство готовы не были. Реальная угроза всеобщей забастовки застала их врасплох. Поэтому правительство Болдуина, стремясь достичь

временного компромисса, пошло на уступки. Оно предоставило шахтовладельцам крупную субсидию в размере 24 млн фунтов, с тем чтобы заработная плата горняков в течение девяти месяцев выплачивалась в прежних размерах. Это была крупная победа рабочих Англии. День 31 июля 1925 г., пришедшийся на пятницу, в противоположность "черной пятнице" 15 апреля 1921 г., вошел в историю английского рабочего движения под названием "красной пятницы".

Однако выдача правительственной субсидии была все же лишь отсрочкой конфликта, а не его разрешением. Ведь всем было ясно, что по истечении девятимесячного периода, на который была рассчитана субсидия, борьба между рабочими и владельцами шахт должна возобновиться, а правительство пошло на уступки только для того, чтобы, хорошо подготовившись к неизбежному конфликту, разгромить рабочих. Об этом откровенно заявил в своей речи в парламенте Уинстон Черчилль, занимавший в кабинете Болдуина важнейший пост министра финансов. Он сказал: "Так как мы не могли сейчас выиграть конфликт, мы решили отдалить кризис и, если удастся, совсем избежать его, а если не удастся, то успешно справиться с ним, когда настанет для этого время".

По этому плану правительство Болдуина начало тщательную, продуманную до мелочей, планомерную подготовку к разгрому горняков. Усиленно и умело обрабатывалось общественное мнение. День за днем населению страны внушалось, что требования горняков противоречат национальным интересам страны, что в тот момент, когда Англия находится в тяжелом экономическом положении, все классы общества должны "идти на жертвы" ради "общего блага".

Уже 6 августа 1925 г. Болдуин выступил в палате общин с грозной речью. "На прошлой неделе, - заявил он, - крупное объединение профсоюзов предъявило нам свои требования. И если нам предстоит еще раз столкнуться с подобными угрозами, то разрешите мне со всей решительностью заявить, что никогда еще в нашей стране меньшинству не удавалось принудить к чему-нибудь все общество".

Эта риторика была рассчитана на то, чтобы настроить общественное мнение против горняков. Одновременно было объявлено о создании специальной правительственной комиссии во главе с либералом Гербертом Сэмюэлем для обследования положения угольной промышленности. Рекомендации этой комиссии, появившиеся через несколько месяцев, в принципе, признавали необходимость улучшения положения горняков, но в то же время поддерживали требование шахтовладельцев о сокращении заработной платы шахтеров. После этого кампания против горняков возобновилась с новой силой. Изю дня в день их обвиняли в том, что они получают "повышенную" заработную плату за счет правительства, а значит, за счет "общества".

В то же время правительство Болдуина тщательно готовило силы для разгрома горняков. Оно готовилось к конфликту с рабочими, как к сражению на войне. Вся Англия была разбита на 10 округов, во главе каждого из которых был поставлен гражданский комиссар, действовав-

ший от имени правительства, наделенный чрезвычайными полномочиями и имевший в своем распоряжении крупные полицейские силы. Спешно формировались отряды добровольцев-штрейкбрехеров. Тайно, по ночам, их учили правилам вождения поездов и грузовиков, знакомили с работой на фабричных станках, с работой телефона и телеграфа. Уже к началу 1926 г. в списках добровольцев числилось около 75 тыс. человек, готовых заменить рабочих во время забастовки. В стране были созданы пятимесячные запасы угля.

На все это уходили огромные средства. В книге английского экономиста Джона Мэррэя, посвященной всеобщей стачке 1926 г., были приведены данные о том, что, если бы все те денежные средства, которые были израсходованы на подготовку разгрома, были переданы на помощь горнякам, то правительство могло бы продолжать субсидировать угольную промышленность и поддерживать прежний уровень заработной платы шахтеров еще целый год.

Но английская корпоративная буржуазия думала не об этом. Она жаждала разгрома рабочих. "Сколько бы крови и денег это ни стоило, - заявил один из крупнейших шахтовладельцев Англии Лондондерри, - мы добьемся полного разгрома профсоюзов".

Весной 1926 г. подготовка к разгрому горняков была завершена. Все силы, мобилизованные правительством, ждали только сигнала, чтобы двинуться против рабочих.

Как же готовился к конфликту английский пролетариат? Рабочие были настроены чрезвычайно решительно. Они ни в коем случае не хотели уступать. Идея всеобщей забастовки становилась все более популярной. Немалую роль в пропаганде этой идеи играли коммунисты.

Однако руководящую роль в английском рабочем движении играли Генеральный совет Британского конгресса тред-юнионов и лидеры лейбористской партии. Они направляли свои усилия на то, чтобы в ходе терпеливых и упорных переговоров с правительством и шахтовладельцами добиться приемлемого компромисса. Они не хотели доводить конфликт до всеобщей стачки и стремились ограничить действия рабочих традиционными методами классового сотрудничества.

Между тем события нарастали. Тщательно подготовившись к предстоявшему конфликту, владельцы угольных копей объявили, что, поскольку срок правительственной субсидии истекает, а горняки не идут на уступки, шахтовладельцы с 1 мая 1926 г. начнут общий локаут.

По требованию рабочих Генеральный совет 29 апреля 1926 г. созвал конференцию тред-юнионов. Даже в эти решающие дни профсоюзные лидеры пытались уговорить рабочих не прибегать к всеобщей стачке. Член Генсовета, лидер союза железнодорожников Томас, обращаясь к делегатам конференции, говорил: "Друзья мои, когда появится стенографический отчет совещания с правительством и предпринимателями, мой всегдашний недруг, наверное, скажут: "Томас чуть ли не пресмыкался". И они будут правы. За всю свою многолетнюю деятельность я никогда еще так не просил и не вымаливал, как в эти месяцы. И я считаю это

своим долгом перед страной. ...Не теряйте голову. Мы добивались, вымаливали, просили мира. Мы и теперь хотим мира. А тот, кто хочет войны, пусть и берет на себя ответственность”.

Однако было уже поздно. На третий день конференции, 1 мая 1926 г., делегаты огромным большинством голосов приняли решение поддержать горняков и начать всеобщую забастовку.

Даже после этого руководство лейбористской партии и тред-юнионов продолжало переговоры с правительством и владельцами шахт, надеясь достичь компромисса и предотвратить всеобщую стачку. В своем выступлении перед делегатами конференции Рамзей Макдональд говорил: “Я надеюсь, я все еще надеюсь, я верю, я не могу не верить, что произойдет что-нибудь такое, что даст нам возможность на следующей неделе заниматься своей обычной работой - радостно, ревностно и с доброй надеждой в сердце”.

В своем выступлении в парламенте Макдональд был более откровенен. “Я не поклонник всеобщих стачек, - заявил он. - Мне они не нравятся, я говорю откровенно: они мне не нравятся. Но честно говоря, что можно сделать?”

В этих словах и была вся суть. Руководители лейбористской партии и тред-юнионов сделали все возможное для того, чтобы предотвратить конфликт. Но это от них уже не зависело.

События, происшедшие на следующий день, сделали забастовку совершенно неизбежной. 2 мая 1926 г. в консервативной газете “Daily Mail” была помещена передовая статья под характерным названием “За короля и страну”. Авторы статьи приравнивали всеобщую забастовку к войне с враждебным государством и призывали всех уважающих закон англичан отразить нападение “красных мятежников”. Статья была написана в таком возмутительном духе, что наборщики типографии, где печаталась “Daily Mail”, отказались набирать этот номер.

Когда премьер-министр Болдуин узнал об этом, он в ультимативной форме заявил, что правительство прекращает всякие переговоры с Генеральным советом до тех пор, пока тот самым решительным образом не осудит поведение наборщиков и не откажется от решения о всеобщей стачке. Среди лидеров Генсовета это правительственное заявление вызвало настоящий переполох. Ведь это означало, что правительство объявляет войну. Поздно вечером 3 мая часть лидеров Генерального совета явилась в дом, где жил Болдуин, чтобы отмежеваться от наборщиков и достичь какого-либо компромисса. Но к посетителям вышел слуга, который вежливо сообщил им, что премьер-министр лег спать и что в доме скоро погасят свет. Обескураженные профсоюзные лидеры поняли, что избежать всеобщей стачки им не удастся. К тому же это от них уже и не зависело. В ночь с 3 на 4 мая забастовали горняки, железнодорожники, машиностроители, печатники и рабочие многих других отраслей промышленности.

4 мая 1926 г. всеобщая забастовка охватила всю страну. В ней участвовало более 4 млн рабочих. Стихийно создавалась сеть местных

стачечных комитетов, которые нередко брали на себя организацию работы предприятий, необходимых для жизни населения. На улицах городов ежедневно можно было видеть грузовики, перевозившие жизненно важные продовольственные товары, с надписью: "С разрешения стачечного комитета". Попытки использовать штрейкбрехеров привели к столкновениям стачечников с полицией.

С каждым днем всеобщая стачка принимала все более опасный для английской буржуазии характер. Она переросла в прямое классовое противостояние. Весь рабочий класс Англии, став на защиту горняков, решительно боролся за демократизацию отношений в промышленности, за улучшение положения рабочих, за рабочий контроль над условиями труда.

Английская крупная буржуазия и правительственные круги были крайне обеспокоены таким ходом событий. Поэтому они стремились исказить смысл и значение всеобщей стачки, создать впечатление, будто она имеет революционный характер и цели, будто она направлена на ниспровержение строя парламентской демократии. Уже 3 мая, накануне начавшегося конфликта, газета "Daily Telegraph" писала: "Всеобщая забастовка - это настоящая гражданская война. Это борьба против законного правительства, функции которого захватил Генеральный совет... Генсовет начинает действовать в нашей стране наподобие Советов в России. Он становится временным правительством, вступающим в конфронтацию с существующим конституционным правительством".

Руководители лейбористской партии и тред-юнионов категорически отрицали, что всеобщая стачка имеет какие-либо революционные цели. Они справедливо утверждали, что вся истерическая шумиха, начатая средствами массовой информации, о созданной всеобщей стачкой "угрозе конституции и закону" всего лишь ложь. Но и оценка, которую давали всеобщей забастовке лидеры Генсовета, была далека от истины. Они стремились доказать, что всеобщая стачка 1926 г. - не более чем обычный трудовой конфликт, цель которой состоит только в том, чтобы помочь горнякам сохранить прежние условия коллективного договора. Вот что говорил, например, Дж. Г. Томас в дни всеобщей забастовки: "Я никогда не скрывал, что в случае серьезного вызова конституции я буду молить Бога ниспослать победу правительству. На том я стою. Но всеобщая забастовка - не революция. Ее участники не имеют ничего общего с теми, кто горланит: "Мы хотим все ниспровергнуть!" Всеобщая стачка - это обычный трудовой конфликт, когда рабочие говорят: "Мы хотим только справедливости".

Об этом же говорил и новый секретарь Федерации горняков Артур Дж. Кук, несмотря на то, что, в отличие от Томаса, он активно поддерживал подготовку и проведение всеобщей стачки. Он говорил: "Мы не боремся против конституции, мы боремся за хлеб. Мы не требуем невозможного, мы не гоняемся за химерами".

В том же духе призывов к спокойствию и умеренности звучали и официальные заявления Генерального совета. Дело доходило до курьезов. Так, 6 мая, когда на улицах английских городов не раз разыгрывались

серьезные конфликты между стачечниками и полицией, орган Генсовета газета "British Worker" обращалась к рабочим со следующим призывом: "Делайте все возможное, чтобы не дать ходу идеям насилия и беспорядка. Занимайтесь какой-нибудь работой по дому. Постарайтесь забавлять и развлекать своих детей. Теперь у вас есть для этого время. Следите за своим здоровьем. Ежедневная прогулка подкрепит ваши силы. Не сидите сложа руки, занимайтесь чем-нибудь. Болтаться на улицах никуда не годится".

Ясно, что такие призывы лидеров Генсовета вызывали возмущение передовых рабочих, готовых к решительной борьбе за демократические перемены и не помышлявших о революции. Очень активно действовала во время всеобщей стачки 1926 г. английская компартия, члены которой нередко входили на местах в состав стачечных комитетов.

Однако в ходе всеобщей стачки 1926 г. особенно четко проявились крайне неблагоприятные последствия того стратегического курса, который был взят в 20-е гг. международным коммунистическим движением. Компартия Англии в соответствии с линией Коммунистического Интернационала стремилась превратить всеобщую стачку 1926 г. в революционное восстание против буржуазии. Пленум центрального комитета английской компартии еще в январе 1926 г. взял курс "на превращение всеобщей стачки в непреодолимое наступление, которое должно окончательно свергнуть власть капитала".

Орган компартии "Workers' Monthly" несколько раз обращался к рабочим: "Присоединяйтесь к революционному авангарду рабочего класса и вместе с ним боритесь за завоевание пролетариатом государственной власти".

В соответствии с этим 5 мая 1926 г. специально выпущенный компартией "Workers' Bulletin" вышел под лозунгом "Вся власть рабочим! Долой правительство Болдуина!"

Эти оценки повторяли и руководящие деятели Коммунистического Интернационала. Так, председатель Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев заявил, что английская всеобщая стачка 1926 г. - это "крупнейшее после Октября 1917 г. революционное событие последнего десятилетия".

Такая же точка зрения господствовала и в советских исторических работах тех лет. Например, в вышедшей в конце 20-х гг. книге А. В. Лепешинской "Английская всеобщая забастовка 1926 года" говорилось: "Пролетариат Англии был подведен вплотную к завоеванию власти, к гражданской войне. Его боевые организации начали перерастать в органы власти. До вооруженной борьбы, до вооруженного восстания дело не дошло. Но все же в ходе стачки началось перерастание стачечных комитетов в советы в русском смысле этого слова".

Разумеется, все утверждения о революционном характере всеобщей забастовки 1926 г. не имели ничего общего с действительностью. Они не находили отклика в рядах участников стачки. Но консервативные силы умело использовали этот ошибочный, экстремистский курс английской

компартии для дискредитации всеобщей забастовки в глазах общественного мнения, для того, чтобы извратить ее истинный характер и представить руководителей Генсовета чуть ли не революционерами.

Все это и определило дальнейший тактический курс правительства. Отвергнув предложение наиболее непримиримых членов кабинета вроде У. Черчилля о вооруженном подавлении забастовки, премьер-министр С. Болдуин попытался внести разлад в ряды стачечников. Навстречу этому курсу охотно пошли лидеры Генсовета, которые были крайне обеспокоены боевыми настроениями рядовых участников стачки. Когда 8 мая 1926 г. Герберт Сэмюэль, председатель правительственной комиссии, обследовавшей в 1925 г. положение угольной промышленности, предложил руководству Генерального совета свое посредничество между лидерами профсоюзов и правительством, руководители Генсовета охотно ухватились за эту возможность, сделав вид, что они ведут переговоры с официальным представителем правительства, хотя никаких полномочий на это Г. Сэмюэль не имел. На этом основании они призвали рабочих прекратить забастовку. Когда же уговоры не подействовали, лидеры Генсовета пошли на прямой обман рабочих. Они заявили, будто Г. Сэмюэль от имени правительства обещал, что, если всеобщая забастовка будет прекращена, правительство и шахтовладельцы начнут переговоры об удовлетворении основных требований горняков. Под этим предлогом 12 мая 1926 г. Генеральный совет заявил о прекращении всеобщей стачки, мотивируя это тем, что горняки якобы уже фактически добились успеха в своей борьбе.

Ясно, что эти действия не могли не внести замешательство в ряды бастующих. Значительная часть стачечников, поверив лидерам Генсовета, прекратила борьбу. Хотя многие рабочие продолжали бастовать, главное было уже сделано. Убедившись в том, что забастовка слабеет, правительство официально заявило, что оно не давало Генеральному совету никаких обещаний. Начались гонения на активных участников забастовки, массовые их увольнения с работы.

Так реформистские лидеры Британского конгресса тред-юнионов сорвали всеобщую стачку английского пролетариата. Правда, горняки продолжали бастовать. Более полугодом, до декабря 1926 г., они вели упорную борьбу, добиваясь от шахтовладельцев удовлетворения своих требований. Но изолированная борьба горняков, конечно, была обречена на поражение.

Срыв всеобщей забастовки 1926 г. был тяжелым поражением английского пролетариата. Что же касается того, насколько высоко расценивала буржуазия Англии свою победу во время всеобщей забастовки, то об этом очень четко сказал английский историк Ф. Хэрншоу в своей книге по истории консервативной партии. Он писал: "Разгром революционной всеобщей стачки в 1926 г. расчистил политическую атмосферу. В области внутренней политики разгром всеобщей стачки имел столь же важные последствия, какие за восемь лет до этого произвел разгром Германии в области международных отношений".

После поражения всеобщей стачки 1926 г. в Англии наступил период резкого усиления консервативных сил. Чтобы закрепить успех, консервативное правительство Болдуина в феврале 1927 г. провело через парламент реакционный “закон о промышленных конфликтах и тред-юнионах”. Согласно этому закону, участие во всеобщей забастовке приравнялось к уголовному преступлению. Под угрозой сурового наказания категорически воспрещались забастовки солидарности и пикетирование. Закон всемерно поощрял штрейкбрехерство. Наконец, по закону 1927 г. устанавливалось, что всякий рабочий имеет право потребовать от своего профсоюза возмещения тех потерь, которые он понес во время забастовки. Ясно, что все это очень серьезно затрудняло ведение стачечной борьбы.

Сломив сопротивление горняков, английская корпоративная буржуазия решительно продолжала свой жесткий антирабочий курс. Однако в то же время она была заинтересована в установлении сотрудничества с реформистскими лидерами лейбористской партии и профсоюзов, сыгравших такую важную роль в срыве всеобщей стачки. Не меньшую заинтересованность в этом проявили и рабочие лидеры. В конце 1927 г. Генеральный совет конгресса тред-юнионов обратился к предпринимательским объединениям с предложением о “совместном сотрудничестве для улучшения положения промышленности и для увеличения конкурентной силы британской индустрии на мировом рынке”. От имени предпринимателей глава Имперского химического треста Альфред Монд ответил согласием на предложение профсоюзных лидеров. Эта политика сотрудничества рабочих и предпринимателей в проведении рационализации промышленного производства получила название “мондизма”. Она стала характерной для периода стабилизации 20-х гг. формой политики социального партнерства в Англии.

Сочетание политики наступления на рабочих и политики социального партнерства было характерной для Англии линией правительственной политики в конце 20-х гг. Наибольшая непрочность капиталистической стабилизации в Англии по сравнению с положением в других ведущих странах мира в конечном счете обусловила то, что этот правительственный курс не привел к сколько-нибудь серьезным успехам консерваторов. На очередных парламентских выборах 1929 г. лейбористская партия одержала крупную победу, завоевав большинство голосов в палате общин. Это привело в том же году к созданию второго лейбористского правительства. Его деятельность пришлась, однако, на период глубочайшего экономического кризиса. Об этом в следующих лекциях.